Seppo Lallukka. The East Finnic Minorities in the Soviet Union: An Appraisal of the Erosive Trends. Helsinki, 1990 (Annales Academiae Scientiarum Fennicae; ser. B, t. 252). 344 p.

Выбор «центральных финно-угров» [1] — мордвы, удмуртов, марийцев и коми — как объекта исследований по этническим процессам и национальным проблемам в (ныне бывшем) СССР непривычен для зарубежной советологии, внимание которой по понятным причинам привлекали либо наиболее крупные нации империи, либо очаги напряженности и нестабильности. Но этот выбор вполне согласуется с естественными приоритетами финской науки, с ее богатейшими традициями этнологического изучения финно-угорских народов России. Сеппо Лаллукка продолжил эти традиции в новом, наиболее актуальном направлении, поставив в центр внимания процессы деэтнизации, и осуществил свой замысел настолько обстоятельно и компетентно, что выход в свет монографии «Центральные финно-угорские меньшинства в Советском Союзе: Оценка эрозионных тенденций» стал событием первостепенного значения в финском финно-угроведении, а сама работа была официально признана лучшей из защищенных в Финляндии за год докторских диссертаций. Объективный и сдержанный (без каких-либо иллюзий по поводу советской национальной политики, но и без стремления к драматизированной подаче и без того критических ситуаций) анализ данных переписей 1959—1989 гг. и результатов этносоциологических исследований, сочетающийся с широкой базовой информацией, проницательными оценками и корректными прогнозами, делает весьма желательным появление книги в русском переводе: она стала бы очень полезным подспорьем в усилиях, которые направляются в последние годы на национально-культурное возрождение в республиках Мордовии, Удмуртии, Марий-Эл и Коми.

Монографию открывают вступительная первая и теоретическая вторая главы. В своем подходе к явлениям деэтнизации (этнической эрозии) и соответственно в отборе характеризующих ее демографических показателей С. Лаллукка в основном следует парадигме ассимиляции по М. Гордону (с выделением стадий аккультурации, структурной ассимиляции и полной ассимиляции) и строящейся на ее основе модели этнической динамики по Т. Пармингу [2]. Важнейшими индикаторами хода ассимиляции признаются территориальная концентрация/дисперсия, степень сохранения родного языка и брачная эндогамия/экзогамия. Помимо собственно демографических показателей, важным фоновым фактором эрозионных процессов является исторический опыт национальных меньшинств: степень его этнокультурной обособленности и стереотипные психологические установки зависимы от характера межэтнических контактов в прошлом.

Следует выделить принимаемое автором (с. 27—28) разграничение первичных и вторичных этнических меньшинств. Различия между ними в генезисе (первичные меньшинства обычно возникают за счет территориальных изменений, вторичные составляются из мигрантов) определяют их структурно-социальные различия (первичные меньшинства продолжают функционировать как более или менее самодостаточные сообщества, способные удовлетворить все основные социальные запросы своих членов, вторичные же находятся под более сильным воздействием общества в целом, и их собственные социальные системы более фрагментарны и менее устойчивы). По сути своей данное разграничение представляется более удачным, чем выделение среди этнических меньшинств «коренных» (или «коренных и племенных») народов, осуществляемое с помощью социально-экономических критериев [3], вследствие чего, например, коренное венгерское население Трансильвании оказывается за рамками соответствующей дефиниции Однако его очевидная слабость состоит в апелляции к историческим данным: где та хронологическая глубина, на которой следует остановиться в сложных случаях, когда территориальные изменения были постепенными или многократными и разнонаправленными, и вообще остановиться для того, чтобы не зачислить все народы в категорию завоевателей и мигрантов? «Историческая аргументация», которой правительство Э. Гамсахурдиа сопровождало свои действия в Южной Осетии [4], дает представление о характере возникающих проблем, о тупиковости чисто исторического подхода к национальным проблемам и территориальности наций.

Отметим также наблюдение относительно того, что дифференцированность первичных и вторичных меньшинств «подкрепляется советской административной практикой, которая концентрирует практически всю культурную поддержку меньшинств (национальные школы, учреждения культуры и т. д.) и другие их прерогативы в пределах соответствующих территориальных единиц» (с. 27). С ним перекликается и замечание о советской паспортной системе, которая за счет графы о национальности «способствовала — по крайней мере номинально — сохранению этнического самосознания, т. е. предотвращала полную ассимиляцию у многих индивидуумов и небольших групп, живущих в отрыве от своих базовых этнических сообществ» (с. 72).

В небольшом обзоре, посвященном трактовке этнических проблем в советской теоретической литературе, констатируется несостоятельность классификации этнических общностей на «нации» и «народности» (причем вопрос о месте в этой классификации народов бывших автономных республик, в том числе финно-угорских, оказался едва ли не самым затруднительным). Попыткой ее преодоления явилось использование Ю. В. Бромлеем понятия «этнос» (с акцентом на психологические, а не социально-экономические критерии), однако в целом, как отмечает С. Лаллукка, «вся советская дискуссия об этнической классификации содержит в себе немало схоластической расплывчатости» (с. 44). В данном случае мнение финского этнолога совпадает с оценкой, традиционно бытовавшей в нашей стране в неэтнологической среде.

Главу 3 составляет «Исторический очерк» высокой информационной насыщенности. Начиная с изложения современных взглядов на проблемы уральской прародины, хронологии уральской языковой семьи и ее финно-угорской ветви, миграций финно-угров, принадлежности археологических культур Волго-Камья и этногенеза волжских и пермских финно-угров [6], С. Лаллукка далее освещает историю центральных финно-угров в составе царской России (с весьма существенными сведениями о миссионерской деятельности православной церкви, о ходе христианизации и о сохранении язычества) и в советский период — далеко не однородный на протяжении 70 лет. Ряд моментов в этнической эволюции изучаемых народов (включая то, что их этническое пробуждение задержалось и в итоге состоялось лишь отчасти, что продолжают сохраняться препятствия к формированию подлинного этнического самосознания) автор склонен приписывать сложившемуся исторически «индуцированному комплексу неполноценности». Лишившиеся в ходе присоединения к России большей части своей правящей элиты (многие ее представители погибли в столкновениях с завоевателями или перешли на сторону русских), финно-угорские народы «оказались неспособны усовершенствовать свою внутреннюю организацию — несмотря даже на то, что традиционный образ жизни практически не изменился в начальный период русского владычества. Эти обстоятельства воспрепятствовали также появлению национальных культурных слоев и формированию подлинного национального самосознания. Соответственно в подавляющем большинстве крестьянское центральное финно-угорское население в царской России было практически лишено предпосылок для этнической организации. Этим народам не только недоставало национального самосознания, они также чувствовали себя неполноценными ввиду своего инородческого происхождения» (с. 253).

Характеризуя события первого двадцатилетия советской власти, С. Лаллукка отмечает неясность мотивационных факторов, приведших к созданию финно-угорских автономий (вначале на уровне автономной области, а затем и АССР): было ли это реакцией на стремления самого местного населения или процессом, инициировавшимся и направлявшимся сверху? На основании собственных представлений о механизмах принятия управленческих решений рецензент рискнул бы предположить, что инициирующая роль в создании автономий и повышении их статуса могла принадлежать не «центру» и тем более не массам населения, а местной коммунистической бюрократии (в том числе и национальной), увидевшей возможность резкого повышения своего статуса за счет образования на основе окраинных уездов и волостей новых административно-территориальных единиц по национальному признаку. Эти и другие трактовки мотивационных факторов можно проверить: если в 1990 г. для автора было «заранее ясно, что определенные ответы на эти вопросы недостижимы» (с. 63), то с крушением КПСС и открытием ее архивов положение, как хотелось бы надеяться, изменилось.

Глава 4 характеризует советские переписи населения как источники данных о национально-языковом составе населения. Констатируя возможность искажений, особенно в связи с нечеткостью понятий «родной язык» и «свободное владение вторым языком народов СССР», С. Лаллукка в целом, однако, оценивает переписную практику более благожелательно, чем некоторые публикации последних лет в нашей стране [9]. Применительно к финно-угорским народам «на первый план вместо сознательного искажения данных выходят подлинные трудности в определении национальной принадлежности», которые «являются следствием реальных этнических процессов» (с. 77).

Данные демографической статистики и их интерпретация составляют основное содержание следующих пяти глав монографии (а также таблиц и диаграмм в приложениях на с. 265—287). Глава 5, сопровождаемая рядом карт, включает в себя показатели численности мордвы, удмуртов, марийцев и коми по данным оценок и переписей на 1719, 1835—1848, 1897, 1914—1917, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Для соответствующих республик и их районов проанализирован национальный состав и рассчитаны индексы мозаичности [*]. Характерно, что во всех четырех республиках мозаичность сельского населения устойчиво более высока, чем городского: относительная национальная однородность городов обусловлена заметным преобладанием в них русских (на 1979 г.— 56,8—74,2% при том, что доля русских среди сельского населения четырех республик составляла 25,3—46,8% и среди всего населения — 47,5—59,7%). Использованы также данные социологического анкетирования, отражающие интенсивность межнациональных этнокультурных взаимодействий в отдельных сферах; как и естественно было ожидать, «в сфере первичных групповых связей (выбор ближайших друзей и ведение личной переписки) по-прежнему существует значительное внутриэтническое предпочтение, особенно среди сельских жителей» (с. 142).

Существенным фактором деэтнизации является утрата целостности этнического ареала, расчлененность на отдельные территориальные группы. Поэтому С. Лаллукка подробно анализирует расселение финно-угров в своих республиках и за их пределами. В частности, автору удалось собрать достаточно репрезентативный и малоизвестный материал о мордовской диаспоре и дисперсии ижемских коми.

В главе 6 исследуется ход демографических процессов в четырех автономных республиках (в тех случаях, когда для этого имеются данные — раздельно для «титульной национальности» [7] и для остального населения). В таблицах и диаграммах отражены распределение сельских населенных пунктов по числу жителей и сельского населения — по типам населенных пунктов; медианные возрасты, распределение по возрастам и демографическая нагрузка на трудоспособные возрасты; рождаемость, смертность, естественный прирост, детская смертность; показатели воспроизводства для

---

[*] Единица минус сумма квадратов долей каждой из представленных в регионе национальностей; индекс характеризует вероятность несовпадения национальностей двух произвольно выбранных жителей региона.

Типы языковой компетенции у центральных финно-угорских народов (с. 205 монографии; доли указаны в %)

Национальность и регион	1970				1979			
	НМ	НБ	АБ	АМ	НМ	НБ	АБ	АМ
Коми								
Коми АССР	22,0	64,7	3,9	9,4	13,1	66,9	4,7	15,2
Зона В	9,6	60,3	9,0	21,0	4,4	58,3	7,2	30,0
Зона С	3,9	50,9	14,7	30,0	2,9	46,5	10,9	39,1
Марийцы								
Марийская АССР	29,4	66,4	1,4	2,8	16,0	77,8	1,0	5,3
Зона В	39,3	55,2	1,5	3,5	27,2	63,6	1,9	6,7
Зона С	10,5	63,0	7,2	18,7	5,7	59,6	7,1	27,2
Мордва								
Мордовская АССР	20,6	75,6	1,4	2,4	13,3	81,0	1,0	4,7
Зона В	12,0	70,0	7,8	10,1	5,9	69,6	8,5	16,0
Зона С	4,5	50,3	13,6	31,5	3,0	46,4	11,3	39,2
Удмурты								
Удмуртская АССР	19,4	68,3	3,8	8,5	11,7	70,6	3,5	14,1
Зона В	24,5	56,6	5,8	13,0	18,5	57,0	6,0	18,3
Зона С	16,7	49,5	9,1	24,1	10,2	48,4	7,6	33,1

женщин в целом и по возрастам; динамика половозрастной структуры населения в периоды между переписями. Демографические показатели, потребовавшие от автора монографии специальных приемов расчета или применения калибровочных методов (в частности, связанных с определением размера миграций), вынесены в приложения. Надо отметить различия по ряду показателей между мордвой, удмуртами, марийцами и коми, живущими в своих республиках — с одной стороны, и представителями диаспоры — с другой (ср. резкое смещение возрастной структуры в сторону старших возрастов у мордвы, живущей за пределами Мордовии, по сравнению с мордовским населением самой республики; промежуточное положение между соответствующими показателями занимают при этом показатели для немордовского населения Мордовии, см. график на с. 171).

«Смена родного языка составляет, пожалуй, наиболее существенный шаг в процессе этнической реидентификации. Трудно представить себе какой-либо другой феномен, более выразительно характеризующий стадию, достигнутую центральными финно-угорскими народами в движении каждого из них в направлении ассимиляции»,— отмечает С. Лаллукка на с. 175 в начале главы 7, посвященной языковым предпочтениям и распространению двуязычия. Поэтому целесообразно привести здесь таблицу, особенно показательную для оценки хода и темпов утраты родного языка представителями рассматриваемых народов, живущими в своих республиках, а также в основных районах компактного проживания за пределами этих республик (зона В) и рассредоточенно на остальной территории бывшего СССР (зона С). Используя данные переписи о владении языком своей национальности и русским языком, автор в этой таблице (как и в ряде других) разграничивает национальных монолингвов (НМ: родной язык — национальный, русским языком как вторым не владеют), неассимилированных билингвов (НБ: родной язык — национальный, второй язык — русский), ассимилированных билингвов (АБ: родной язык — русский, второй язык — национальный) и ассимилированных монолингвов (АМ: родной язык — русский, национальным языком как вторым не владеют). Отметим в связи с этой таблицей, что устойчивое преобладание НБ, особенно на территории самих республик, отнюдь не является индикатором стабильности ситуации: неассимилированный билингвизм является типичной переходной стадией между национальным монолингвизмом и языковой ассимиляцией, и, как показывают цифры, «подпитывается» снижением числа НМ, а далее оказывается резервом для роста групп АБ и АМ.

Многие предпосылки языковой ассимиляции финно-угров раскрываются в разделах, посвященных тенденциям развития литературных языков и их функциональных сфер (они фактически продолжают исторический очерк главы 3). К сожалению, судьбы литературных финно-угорских языков в СССР оказались слишком прямо и слишком сильно зависимы от зигзагов государственной национально-языковой политики. Нормы литературного словоупотребления, складывавшиеся в дореволюционный период и в 1920-е годы, еще не успели стать настолько стабильными и настолько органичными для носителей языков, чтобы противостоять русификации, которая с конца 30-х годов превратилась в основное содержание официальной языковой политики и выразилась, в частности, в линии на «обогащение» словаря русскими заимствованиями. Подобное «обогащение», безудержное и бесконтрольное, вкупе с калькированием русских фразеологизмов и синтаксических конструкций, привело к ситуации, когда значительная часть текстов на финно-угорских литературных языках доступна пониманию лишь при условии знания русского языка. Тем самым значительно снижен психологический престиж этих литературных языков и поставлены под вопрос возможность и целесообразность самого их существования без глубоких языковых реформ.

Основываясь на данных социолингвистов, С. Лаллукка констатирует также, что уровень владения письменной речью у билингвов, особенно в младших возрастных группах, более высок на русском языке, чем на национальном; это дает основания «утверждать, что распространение (русской) грамотности является фактором, в большой мере ответственным за упадок центральных финно-угорских языков» (с. 182).

Если вплоть до конца 50-х годов языки автономных республик сохраняли достаточно прочные позиции в школьном образовании, особенно в сельской местности, то положение круто изменилось в результате хрущевской школьной реформы и псевдодемократического предоставления родителям права «свободного» выбора языка обучения для своих детей. Обучение в нерусской школе оказалось равносильным созданию для детей излишних трудностей для получения в дальнейшем образования на русском языке в вузе или техникуме; к тому же в ряде случаев «свободный» выбор оказался фикцией из-за закрытия на местах национальных школ. Автор несомненно прав, считая, что, хотя «определенные меры по распространению языка межэтнического общения в большой многонациональной стране необходимы и оправданы, однако то, как русский и местные языки оказались противопоставлены вследствие школьной реформы, должно рассматриваться как откровенно русификаторская мера, существенно подорвавшая статус языков меньшинств» (с. 185). Характерно, что к 1988/89 учебному году доля учащихся школ Российской Федерации, обучающихся на русском языке, достигла 98,2% при доле русских во всем населении 81,5% [8]. Существенно снизилась по сравнению с предвоенными и первым послевоенным десятилетиями и фактическая роль национальных языков как языков обучения в тех школах, которые сохранили статус национальных. Впрочем, процессы последних двух-трех лет, не успевшие найти отражения в монографии, позволяют предвидеть, что в некоторых регионах (например, в Республике Марий-Эл) позиции национального языка в школе вновь усилятся.

Тем не менее даже при развитии событий по оптимальному для целей национального возрождения бывших финно-угорских автономий варианту эрозионные процессы в языковой сфере будет очень трудно преодолеть. «Теперь, когда процесс отхода от исконных финно-угорских языков зашел весьма далеко, чрезвычайно сложно представить себе, как можно будет на практике остановить его, не говоря уже о возрождении языков. Более того, представляется, что среди широких масс центрального финно-угорского населения чувство уважения к собственным языкам существенно отстает от соответствующих чувств, испытываемых народами СССР с более развитым этническим самосознанием. Поэтому если сейчас и начнется движение к более адекватным формам языкового равноправия — нечто в духе 1920-х годов,— то все же останется проблематичным, найдется ли у коми, марийцев, мордвы и удмуртов вновь достаточно решимости для использования подобных шансов. Ущерб, наносившийся языкам и национальным элитам начиная с 1930-х годов, может оказаться непоправимым» (с. 218). Очень хотелось бы, пользуясь положением рецензента, оспорить этот довольно пессимистичный прогноз, но, к сожалению, реальных предпосылок для этого у нас нет. Коррективы в прогноз может внести только само будущее.

Последние две главы, небольшие по размеру, посвящены статистике смешанных браков (глава 8) и прямых ассимилятивных потерь — под ними имеется в виду уменьшение численности лиц той или иной национальности, связанное с изменением ответа на вопрос о национальной принадлежности по сравнению с предшествующей переписью (глава 9). В последнем случае С. Лаллукка использует довольно сложную специальную методику подсчета по возрастным когортам (обычно применяемую для оценки миграционных потерь), с поправками на среднюю смертность по возрастам и т. д.[9]. Результаты весьма убедительно свидетельствуют о том, что изменение этнического самосознания представляет собой феномен, специфичный не для определенных поколений, а для определенных возрастных групп, и что пик изменения самосознания приходится на возрастную группу лиц, которым на момент предшествующей переписи было 9—18 лет (потери в этой группе в 1970 г. по сравнению с 1959 г. составили от 16,8% у коми до 30,5% у мордвы). Следует, однако, заметить, что именно в данной группе сказывается не эффект изменения национального самосознания самих респондентов, а различие между ответами родителей за несовершеннолетних детей и ответами самих детей, достигших к моменту следующей переписи совершеннолетия.

Обстоятельность и многоаспектность историко-культурного, социального и демографического анализа заставляют с особым вниманием отнестись к выводам, которыми С. Лаллукка заключает в главе 10 свою монографию, оценивая современное состояние центральных финно-угорских народов.

1. Ускоряется процесс утраты территориальности: не только в урбанизированных районах, но и в национальной «глубинке» коренное население все больше превращается в этническое меньшинство. Доля сельских жителей среди коренного населения четырех финно-угорских республик, составлявшая в 1959 г. от 74 до 94%, уменьшилась с тех пор на 15—20% за счет оттока в города. Это не смогло существенно повлиять на демографическую ситуацию в городах, где практически повсеместно преобладает русскоязычное население и абсолютно доминирует русская культура; с другой же стороны, вымирание деревень и ухудшение демографической обстановки в сельской местности составило угрозу для еще оставшихся районов сплошного расселения финно-угров. Потенциал национальной «глубинки» как резервуара свежих этнических ресурсов оказался в значительной степени исчерпанным.

2. Даже на фоне неправильного демографического профиля страны в целом демографические структуры финно-угорского населения особенно сильно деформированы. При этом, однако, структуры распределения по возрастам позволяют констатировать наиболее высокий демографический потенциал у марийцев и наиболее низкий — у мордвы.

3. По сравнению с русскими, финно-угорские меньшинства с запозданием вступают в фазу демографического развития, характеризующуюся снижением рождаемости. Однако все еще сохраняющийся разрыв в уровнях рождаемости в 1960-х и 1970-х гг. заметно сократился.

4. В течение XX века наблюдались и подъем, и упадок центральных финно-угорских литературных языков с точки зрения их практического употребления и социальных функций. Периодом быстрого подъема были в первую очередь 1920-е годы, главным образом благодаря политике так называемой «коренизации». В дальнейшем молодые литературные языки настолько пострадали и в плане их статуса, и качественно, что их низкий престиж делает крайне сомнительными перспективы нового устойчивого подъема.

5. Шел неуклонный процесс отхода от национальных языков, и финно-угорско-русское двуязычие, принявшее массовый характер, оказывается не стабильным состоянием, а по преимуществу промежуточным этапом на пути к русскоязычию. Рост абсолютной численности по крайней мере трех народов (за вычетом марийцев) не компенсирует снижения доли говорящих на национальном языке, так что общее количество носителей этих языков от переписи к переписи сокращается. В течение 70-х годов у мордвы, удмуртов и коми доля русскоязычных монолингвов превысила долю монолингвов, владеющих национальным языком (при общем преобладании билингвов). Серьезным упреком в адрес финно-угорской национальной интеллигенции звучит описание типичного процесса в среде образованных горожан «титульной» национальности, которые сами выросли в преимущественно одноязычной национальной среде, но в дальнейшем «приобрели все культурные атрибуты билингвизма. Формирование этого слоя началось перед второй мировой войной и интенсивно продолжалось впоследствии. Послевоенные переписи подтверждают, что этот двуязычный слой в целом не сумел передать родной язык собственным детям: очень значительная доля детей этого поколения, особенно в крупных городах, вообще не владеет языком своих предков» (с. 260).

6. Хотя все еще сохраняется предпочтение, отдаваемое собственной этнической среде при выборе брачного партнера, доля смешанных браков в послевоенный период существенно возросла; по своим последствиям для очередного поколения такие браки представляют собой основной способ русификации.

7. Все четыре народа претерпевают прямые ассимиляционные потери в период между переписями; пик ассимиляции устойчиво приходится на когорты, достигающие в этот период совершеннолетия.

8. В послевоенный период продолжался рост численности всех центральных финно-угорских народов, кроме мордвы. Однако начиная с 1970-х годов рост численности коми, марийцев и удмуртов был довольно медленным, и нельзя исключить, что в не слишком отдаленном будущем кривые их численности могут начать снижаться.

Взвешенным и реалистичным — в духе всего предшествующего изложения — оказывается и завершающий вывод автора: мордве, марийцам, удмуртам и коми «предстоит оставаться открытыми внешним влияниям, которые будут действовать в направлении постепенного разрушения их национальной самобытности» (с. 263); в то же время «если новая политическая ситуация позволит меньшинствам отвоевать утраченные ими культурные институты, и если они найдут подлинную поддержку в самом народе, этнокультурные перспективы могут оказаться не совсем безнадежными» (с. 264).

Примечания

[1] Термин «East Finnic», используемый в названии и в тексте книги для совокупного обозначения финно-угорских народов финно-волжской и пермской групп, не является стандартным в финно-угроведческой таксономии и не поддается буквальному переводу: в нем участвует обозначение Finnic, которое в отличие от Finnish «финский» имеет значение «финский и родственный финскому» (обычно «прибалтийско-финский», реже с охватом иных представителей финно-угорской семьи). Поскольку обозначение «восточный финно-угорский» естественно было бы соотносить с (обскими) уграми, в рецензии в качестве эквивалента «East Finnic» избран термин «центральный финно-угорский», адекватно характеризующий позицию мордвы, марийцев, удмуртов и коми в финно-угорской семье, хотя тоже не являющийся стандартным.

[2] См.: *Gordon M.* Assimilation in American Life. N. Y., 1964; *Parming T.* The Nature of Ethnic Identity. Ph. D. Diss. Yale Univ., 1976.

[3] См., например: *Альфредсон Г.* Права меньшинств: равенство и недискриминация//Ленинградская конференция по правам меньшинств. Доклады и сообщения (Русские тексты). Л., 1991. С. 22—26. Подход с точки зрения социально-экономических критериев был обозначен и в выступлении на Ленинградской конференции 1991 г. проф. Э.-И. Даэс, председателя Рабочей группы Объединенных Наций по коренному населению.

[4] См.: Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов (Заключение комиссии по изучению статуса Юго-Осетинской области). Тбилиси, 1991.

[5] Отметим, что С. Лалукка следует традиционной хронологии уральской языковой семьи, а не взглядам, получившим в последние десятилетия очень широкое распространение среди финских и эстонских специалистов и существенно завышающих (с 2,5 до 5 тыс. лет) возраст прибалтийско-финской группы и длительность пребывания прибалтийских финнов на современной территории

расселения. См., например: *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии//Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 49—141; *Koivulehto J.* Seit wenn leben die Urfinnen im Ostseeraum?//Symposium Saeculare Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki, 1983 (Memoires de la Société Finno-Ougrienne 185). P. 135—157.

[6] Ср., например: *Тольц М. С.* Недоступное измерение//В человеческом измерении. М., 1989. С. 325—342; *Климчук Ф. Д.* Этнос и перепись: парадоксы статистики//Ожог родного очага. М., 1990. С. 92—106.

[7] В своей книге С. Лаллукка использует термины «титульная национальность» (titular nationality) в значении «национальность, по имени которой названа республика» и «эпонимическая республика» (eponymous republic) в значении «республика, названная по имени соответствующей национальности» — термины, удобные благодаря своей компактности и отсутствию побочных ассоциаций (которые имеются, например, у обозначений «коренная национальность» и «национальная республика»).

[8] См.: Школа и образование в СССР. М., 1989. С. 24.

[9] Автор принимает с небольшими модификациями методику из работы: *Anderson B., Silver B.* Estimating Russification of Ethnic Identity Among Non-Russians in the USSR//Demography. Vol. 20. № 4, 1983.

Е. А. Хелимский